

Д.В. Хаминов

**ТОМСКИЕ ИСТОРИКИ
В ГОРНИЛЕ ПОСЛЕВОЕННЫХ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ***

D. Khaminov

**The Tomsk Historians
in the Crucible of the Post-War Ideological Campaigns**

Сибирский научно-образовательный комплекс послевоенного десятилетия, с точки зрения развития и деятельности в нем учреждений и организаций, которые занимались подготовкой профессиональных историков и проводили исторические исследования, являлся еще довольно молодым, на стадии становления, регионом. На огромной территории от Урала до, фактически, Дальнего Востока еще шел процесс открытия в административных центрах сибирских регионов и в крупных городах педагогических и учительских институтов (начало этому процессу было положено только в первой половине 1930-х гг.), исторических факультетов и отделений в них. В сибирских национальных субъектах (АССР и Автономных областях) работали Научно-исследовательские институты языка, литературы, истории (НИИ ЯЛИ) – комплексные гуманитарные научные учреждения, изучавшие народы этих регионов. Деятельность педагогических и учительских институтов и НИИ ЯЛИ была направлена исключительно на удовлетворение потребностей собственных микро-регионов¹.

В имевшихся на тот период двух единственных университетах Азиатской части СССР – Томском и Иркутском – исторические отделения при историко-филологических факультетах (ИФФ) были созданы только в самом начале войны.

В Сибири сложилась структура двухуровневой периферии: сама Сибирь по отношению к центру являлась периферийным регионом, а внутри этого региона были периферии более низкого

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук: «Историческое знание во второй половине XIX – начале XXI веков как конструкт общественно-культурного сознания, политико-идеологической и гражданской идентичности: связь времен и поколений (на примере сибирского научно-образовательного комплекса)» (МК-6824.2016.6).

порядка по отношению к двум сибирским научно-образовательным центрам с университетами и отраслевыми институтами – Томску и Иркутску.

Эти организационно-структурные условия и обусловили специфику идеологических кампаний периода «позднего» сталинизма в Сибири и в отдельных ее научно-образовательных центрах, таких как Томск. Это выражалось, с одной стороны, в меньшем накале этих кампаний для самих сибирских историков, а с другой стороны, сибирские (равно как и среднеазиатские) вузы и научные институты стали для историков центра местами, где они могли укрыться от преследований в их родных вузах и научных учреждениях.

* * *

Исторические факультеты и отделения педагогических и учительских институтов (последние входили в состав пединститутов) успешно работали с начала 1930-х гг. Сложнее складывалась ситуация на исторических отделениях университетов: они были молоды и ощущали острую потребность в высококвалифицированных научно-педагогических кадрах. Томск и Иркутск стали крупными сибирскими научно-образовательными центрами в годы войны благодаря эвакуации научно-педагогических работников и учреждений из Европейской части СССР.

Исторические подразделения Томского государственного университета (ТГУ) и Томского государственного педагогического института (ТГПИ) заняли высокие стартовые позиции в годы войны, усилившись эвакуированными в Томск научно-педагогическими кадрами. Приезжие профессора стали параллельно работать в обоих вузах. В эвакуации оказались ведущие советские историки – профессор МГУ А.И. Неусыхин (специалист по истории средних веков и историографии), профессор Ф.А. Хейфец (специалист по новой и новейшей истории, до войны являвшаяся докторантом Института истории АН СССР и работавшая заведующей кафедрой всеобщей истории Историко-архивного института НКВД), специалист по истории СССР, профессор академии им. И.В. Сталина и Московского пединститута Э.Н. Ярошевский и другие².

После их реэвакуации в первые послевоенные годы ТГУ и ТГПИ стали испытывать крайний дефицит в кадрах (абсолютно схожая ситуация наблюдалась и в Иркутске). Из вузов уехали практически все профессора и большая часть доцентов, на некоторых кафедрах было по одному кандидату наук, все остальные были сотрудники без ученых степеней и званий.

Руководство (вузовское, городское, даже областное) старалось привлечь в томские вузы научно-педагогические кадры из центра (прежде всего, в университет, а в пединститут – по совместительству), что частично им удавалось. Но одновременно при развернувшихся идеологических кампаниях, происходило обратное – исключение из числа преподавателей тех, кто попадал под каток репрессий.

В статье рассматриваются научно-педагогические биографии пяти историков, судьбы которых ярко отразили ту историческую эпоху. Это – профессора Константин Эдуардович Гриневич и Александр Петрович Дульзон, доценты Рувим Ерухимович Кугель и Владимир Юльевич Гессен, преподаватель Давид Львович Лившиц.

Их профессиональные биографии были связаны с Томском еще с предвоенного и военного периода: они являлись для Томского университета и пединститута штатными, «своими» сотрудниками. Многие из них объединяла схожая веха биографии: в Томск они попали не по доброй воле.

* * *

Первым в Томске из Европейской части СССР появился кандидат исторических наук Кугель по направлению партийных органов для укрепления кадров как выпускник Института красной профессуры. Его взяли на работу на исторический факультет Томского пединститута (ТГПИ был открыт в 1931 г., с 1932 г. в нем было открыто историческое отделение, с 1934 г. преобразованное в факультет). Там он преподавал всеобщую историю, изучал историю международных отношений в период Первой мировой войны. В свое время он был активным участником «Бунда», но после его ликвидации в 1921 г. быстро переориентировался и в начале 1920-х гг. вступил в РКП(б), став активным участником общественно-политической жизни, на протяжении 1920-х – 1930-х гг. работал «по партийной линии»³.

Большой террор, по счастливому стечению обстоятельств, затронул Кугеля в минимальной степени. В 1937 г. он был исключен из партии «как выходец из буржуазной семьи [Сын лесопромышленника из Минска. – Д.Х.] и за связь с врагом народа», был уволен «за ряд политических ошибок»⁴, но вскоре был восстановлен в партии и на работе в прежней должности исполняющего обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории ТГПИ. Однако спустя год, в начале 1938 г., против него было организовано «персональное дело», рассмотренное на расширенном заседании кафедры

всеобщей истории⁵ и проходившее в форме разбора статьи «При содействии гнилых либералов», опубликованной в газете «Красное знамя»⁶ группой студентов-историков. Кугель был обвинен в приверженности «буржуазной историографии», в отрицании марксистских научных основ при чтении курса новой истории, где он, по мнению «авторов» статьи, давал неверные толкования и оценки ключевым событиям мировой истории, прежде всего европейским революциям XVIII – начала XX вв., допускал существенные теоретические ошибки и прочее. Также Кугеля обвиняли в том, что он «не дал критики антиленинских концепций Покровского, Тарле, да и вообще, не занимался вопросом историографии»⁷.

По итогам разбирательства, Кугелю удалось избежать дисциплинарных, административных или, тем более, уголовных последствий. Но весной 1939 г. вновь в «Красном знамени» появилась заметка «Кто виноват»⁸, в которой Кугель обвинялся группой студентов исторического факультета ТГПИ в низком идейно-теоретическом и методологическом уровне чтения лекций (курсы «Новой истории (Послевоенный период)» и «Истории колониальных и зависимых стран») и в «невычитывании» важного лекционного материала (по периоду Коминтерна) в полном объеме, а также в откровенных антисоветских высказываниях. Сразу же состоялось совещание дирекции института с партийно-комсомольской группой 4-го курса исторического факультета по обсуждению статьи⁹.

После совещания директором ТГПИ Кугелю был объявлен выговор и он был снят с должности заведующего кафедрой, но на время оставлен на ней преподавателем. В июле 1939 г. он был уволен приказом директора ТГПИ, однако по решению специальной комиссии, выделенной бюро секции научных работников и месткомом ТГПИ, куда он обратился с письменным и устным заявлениями и опровержениями обвинений в свой адрес, был вновь восстановлен в преподавательской должности без каких-либо санкций в отношении него¹⁰.

Отрицательным последствием этих событий стало то, что единственные кафедры исторического факультета ТГПИ (всеобщей истории и истории СССР) были слиты в единую кафедру истории¹¹.

В 1944 г., после реэвакуации из Томска профессора Хейфец, Кугель был приглашен в ТГУ возглавить кафедру новой истории (как единственный на тот момент в Томске специалист по этому периоду), которой она заведовала с 1941 г., с момента создания специально «под нее» этой структуры¹².

В отличие от Кугеля, Гриневич получил классическое историческое образование на ИФФ Харьковского Императорского университета (1910 – 1915 гг.). После Гражданской войны преподавал в Петроградском университете, руководил музеями Севастополя, проводил археологические раскопки в Северном Причерноморье. В 1931–1933 гг. он работал на этнологическом факультете 1-го МГУ в должности профессора. В 1933 г. постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ Гриневич был выслан в Новосибирск, где с 1933 по 1935 гг. занимал должность ученого консультанта Западно-Сибирского краевого музея. В 1935 г. за знакомство со ссыльным сослуживцем по музею его заключили в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь. Правда, в лагере его определили преподавателем истории, географии и немецкого языка Долинской полной средней школы¹³.

Не известно, как бы сложилась судьба ученого в Карлаге, если бы не открытие в 1940 г. истфака в ТГУ. В том же году он был реабилитирован и сразу же занял должность заведующего кафедрой древней истории (второй кафедрой в ТГУ была кафедра истории народов СССР)¹⁴.

Трагична и судьба Гессена, появившегося в ТГУ уже в годы войны.

Участник Гражданской войны, член партии большевиков, с 1922 по 1924 гг. он обучался в Петроградском университете, в 1929 г. окончил аспирантуру в Институте истории РАНИОН. В 1936 г., когда он работал на историческом факультете ЛГУ, квалификационная комиссия Президиума АН СССР без защиты диссертации присвоила ему ученую степень кандидата исторических наук «за работы по истории рабочей молодежи». В июне 1940 г. он был арестован и осужден за «вредительство» на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Отбывал наказание в томской тюрьме. После освобождения в 1943 г. остался в Томске, поступил в ТГУ доцентом кафедры истории народов СССР.

В последние военные годы в Томске начал работать Дульзон. Он происходил из семьи поволжских немцев-колонистов, что определило как сферу его научных интересов, так и последовавшие за началом войны репрессии по национальному признаку. В 1931 г. Дульзон поступил в аспирантуру при Московском НИИ языкознания по профилю «германское языкознание». В 1938 г. защитил кандидатскую, а в 1940 г. – докторскую диссертацию по немецкой филологии. С 1934 г. он работал в Саратовском пединституте, где заведовал кафедрой германской филологии и общего языкознания¹⁵.

На протяжении 1930-х – начала 1940-х гг. он дважды подвергся репрессиям. В 1934 г. был арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности», но через год освобожден. В октябре 1941 г. как этнический немец был депортирован в Сибирь. Находился в Томске на спецучете до 1954 г. С 1944 г. он получил возможность работать в ТГПИ, а с 1945 г. в ТГУ¹⁶. Будучи творческой натурой и настоящим ученым, в Томске он не замкнулся на сфере своей лингвистической деятельности, а старался расширить ее на богатом местном археологическом и этнографическом материале. Ему были близки и исторические исследования – по этнографии, археологии, культуре коренных народов Сибири.

Позже всех в Томске появился Лившиц. В 1940 г. он окончил Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского, после чего работал научным сотрудником кабинета древних рукописей Московского исторического музея. Участвовал в войне, командовал ротой стрелкового полка и служил в штабе дивизии. Был дважды ранен; его наградили орденом Красного Знамени. После демобилизации в 1946 г. переехал в Томск, где занялся литературным творчеством: писал и публиковал стихи. И, наконец, он начал преподавать в ТГУ и ТГПИ на кафедрах истории СССР. В ТГУ он также руководил литературным кружком¹⁷.

Яркие, интересные, талантливые, они все пятеро попали в горнило идеологических кампаний второй половины 1940-х – начала 1950-х гг., которые оказали серьезное влияние на их судьбы.

* * *

С начала 1947 г. разворачиваются две составляющие идеологических кампаний, которые стали наиболее рельефно проявляться в среде историков. Первая из них – борьба с «низкопоклонством перед Западом». С одной стороны, она имела целью привитие патриотического начала в работе научно-педагогической интеллигенции, с другой стороны – выработку воинствующего, антизападного настроения в их кругах. Вторая составляющая – борьба с «буржуазным объективизмом». Пагубность этого явления советскими идеологами виделась в том, что он неверно давал объяснение необходимости и закономерности исторического процесса, оправдывал, восхвалял капиталистический строй и якобы мнимой беспартийностью прикрывал буржуазные взгляды. В противоположность ему, советское обществоведение и история должны были утверждать принцип партийности в науке.

Борьба с проявлениями буржуазного объективизма в среде советских историков стала одним из самых распространенных и

действенных механизмов воздействия и давления на провинциальных историков. В программной передовой статье журнала «Вопросы истории» была заложена идеологическая основа этой борьбы: «...Последовательно проводимый принцип классового анализа исторических явлений и последовательная партийность в оценке этих явлений и есть тот водораздел, который отделяет марксиста от объективиста. Забвение классового анализа и принципа партийности в науке, в исследовательской работе неизбежно ведет к переходу на позиции буржуазного объективизма. Это и случилось с некоторыми советскими историками»¹⁸.

В целом, если говорить об общественно-политическом портрете историков и отношения к ним со стороны областных партийных властей, то к ним наблюдалось довольно настороженное, а порой и негативное отношение. В своих постоянных отчетах многочисленные проверяющие комиссии Томского обкома ВКП(б) указывали на то, что «на историко-филологическом факультете имеет место засорение преподавательского состава научными работниками, не внушающими политического доверия и сомнительными по своим настроениям элементами»¹⁹.

Одним из первых в ходе идеологических кампаний подвергся критике, а затем и преследованиям заведующий кафедрой истории СССР Гессен. Его персональное дело было инспирировано уже в первом послевоенном году.

Положение Гессена как неблагонадежного преподавателя усугублялось двумя обстоятельствами. Первое было связано с тем, что к этому времени он уже имел судимость и отбыл наказание по 58-й статье. Второе было связано с тем, что в 1944 г. органами госбезопасности НКВД был арестован студент-историк 5-го курса Каганович и еще двое студентов, учеников Гессена, которые, по данным следствия, «выдвигались им везде как лучшие студенты и которые часто посещали квартиру Гессена»²⁰. Этот эпизод также не характеризовал преподавателя с положительной стороны.

На этот неблагонадежный портрет накладывались еще и обстоятельства, связанные с характеристикой личности самого Гессена в коллективе. Высокообразованный и квалифицированный столичный историк, он нередко высказывал свое собственное отрицательное мнение о качестве преподавания и низком уровне профессиональной квалификации сотрудников ИФФ ТГУ, критиковал декана ИФФ старшего преподавателя З.Я. Бояршинову (закончила заочное отделение истфака ТГПИ) за ее ошибки в руководстве факультетом²¹.

Проведенные на протяжении 1945 г. Отделом пропаганды и агитации Томского обкома ВКП(б) серии проверок деятельности вузов города Томска в годы войны, выявили в работе Гессена ряд «непростительных» нарушений. По результатам проверки Гессену ставилось в вину то, что на своих лекциях по истории Сибири, читаемых в годы Великой Отечественной войны, он много времени отводил немецкому историку Г.Ф. Миллеру, изучавшему Сибирь, и в то же время мало говорил о деятельности таких русских историков, как В.Н. Татищев, М.М. Щербаков, М.В. Ломоносов и их вкладе в изучение истории Сибири. В отчете комиссии говорилось, что это было «политически неправильно в дни борьбы с немецкими войсками превозносить “до небес” историческую значимость деятельности немца-историка Миллера как первоисточника по изучению истории СССР, даже если Миллер и сделал что-то в описании истории Сибири»²². Гессену настоятельно было предложено переоценить роль русских исследователей в изучении истории Сибири и использовать для преподавания документы по истории русской Сибири, имевшиеся в Научной библиотеке ТГУ. Сразу научная и преподавательская работа Гессена была поставлена под контроль декана ИФФ, ректора и кафедры основ марксизма-ленинизма ТГУ. В одной из справок о состоянии ИФФ (1947 г.) указывалось на «разлагающе» действующего на коллектив доцента Гессена²³.

Однако Гессен не смирился со своим положением и не согласился изменить свои взгляды. Поэтому он продолжал подвергаться нападкам со стороны руководства и коллег. В 1948 г. он был вынужден покинуть Томск и переехать в Тамбов, позднее – в Сыктывкар, где он заведовал кафедрой истории СССР в местном пединституте.

Следом и Гриневич, историк с пятном порочащего его заключения в Карлаге, в 1948 г. столкнулся с волной преследований. Осуждение и критика со стороны коллег и бывших товарищей, гонения со стороны руководства факультета и университета были связаны с обвинением в низкопоклонстве перед Западом, а также в «буржуазном объективизме» в его профессиональной преподавательской и научной деятельности и, как следствие, в отсутствии марксистской позиции. Самым ярким и непримиримым его критиком в этом отношении стал Кугель, который сам через некоторое время пострадает от таких же обвинений.

Состоявшаяся в Москве в октябре 1947 г. философская дискуссия по проблемам развития советской философии нашла свое отражение во всех вузах страны и приобрела большой резонанс в кругу ученых-гуманитариев, в том числе и в ТГУ, где была организована целая конференция по итогам философской дискуссии. В ее

работе приняли участие преподаватели и студенты ИФФ. Она же имела непосредственное воздействие на Гриневича.

На конференции возникла принципиальная дискуссия между А.И. Даниловым (ученик профессора Неусыхина, доцент кафедры древней и средней истории, после отъезда из Томска Гриневича стал ее заведующим) и профессором Гриневичем. Причиной этой дискуссии стала недавно опубликованная в «Ученых записках Томского университета» статья Гриневича «Солон (до 594 г. до н.э.). Исследовательский этюд по истории Афин VI в. до н.э.», не имевшая, казалось бы, какого бы то ни было прямого отношения к советской действительности, политике, идеологии и современности вообще. Данилов обрушился с резкой критикой на Гриневича, обвинив его в приверженности «традиции буржуазного объективизма», которые он усмотрел в этой работе. Он критиковал Гриневича за «немарксистское решение важного вопроса в исторической науке»²⁴.

После этих событий профессор Гриневич больше не мог оставаться в стенах Томского госуниверситета. В конце 1948 г. из районного отделения милиции ему было дано предписание в течение 48-ми часов покинуть Томск, после чего он уехал из города. С 1948 по 1953 гг. Гриневич состоял профессором Кабардинского пединститута (Нальчик). С 1953 и до 1966 гг. он заведовал кафедрой древней истории и археологии Харьковского университета²⁵.

Следующий этап борьбы (1949–1953 гг.) с космополитизмом и борьба против «безродных космополитов», включал в себя ряд специальных научно-отраслевых дискуссий, в том числе дискуссию по вопросам языкознания и критики школы академика Н.Я. Марра, которые опосредованно ударили по советским историкам.

В порядке контроля за выполнением директив ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам на ИФФ ТГУ проводились посещения лекций заведующими кафедрами и сотрудниками деканата. Уже новый декан факультета – доцент А.А. Скворцова – проверяла постановку курса «Введение в языкознание», читавшегося профессором Дульзоном, а заместитель декана доцент А.И. Данилов и и.о. заведующего кафедрой истории СССР А.П. Бородавкин неоднократно проверяли чтение курса истории СССР старшим преподавателем кафедры истории СССР ТГУ Лившицем. Работа последнего стала предметом обсуждения на кафедре истории СССР, где ему было указано на недостатки в использовании исторического материала читаемого курса в воспитательных целях²⁶.

Последовавшие репрессии в отношении Лившица были направлены преимущественно против его поэтического творчества и его стихов²⁷.

Письмо секретариата томской литературной группы «Бездейные стихи поэта Д. Лившица», помещенное в газете «Красное знамя», содержало обвинения его в «бездействии, декадентстве, космополитизме»²⁸. Также его обвиняли в национализме (сионизме), проведении антисоветской агитации, в сочувствии государству Израиль и т.п. Лившиц был осужден Томским областным судом 2 декабря 1950 г. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания») на 10 лет лишения свободы²⁹.

После нескольких жалоб на решение суда, направленных Генеральному прокурору СССР, в декабре 1955 г. Лившиц был досрочно освобожден на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 3 октября 1955 г., а 15 октября 1958 г. был полностью реабилитирован «за отсутствием состава преступления» и продолжил работу в Томске техническим редактором Томского книжного издательства³⁰.

В ходе борьбы с космополитизмом профессор кафедры литературы и русского языка ТГУ Дульзон (основное место его работы – ТГПИ) в 1948 г. был вынужден уйти из университета. Причиной его ухода было мнение Ученого совета ТГУ, что Дульзон преподносил материал «с точки зрения буржуазного объективизма» и мало внимания в своих лекциях уделял роли советских лингвистов, в частности академику Марру, в развитии языкознания³¹.

Служебное рвение партийного руководства и администрации на местах и в вузах порой гипертрофировало изначальные установки и задачи, которые ставились перед ними областным партийным руководством, и дело доходило до парадокса. Например, на закрытых партийных собраниях ТГПИ, проходивших в начале 1947/48 учебного года, Дульзон подвергся острой критике за ссылки в его лекционных курсах на иностранных ученых, дореволюционных русских буржуазных и либеральных «низкопоклонников», а также за «не внимание к трудам советских ученых», в том числе академика Н.Я. Марра. Спустя некоторое время Марр уже сам станет объектом нападков и критики как в центре, так и в регионах, а профессор Дульзон в ТГПИ будет обвинен уже в «буржуазном

объективизме» и «марризме» – приверженности материалистическому учению академика Марра³².

Символична и показательна судьба Кугеля. Он одновременно – и активный участник идеологических кампаний, идейный борец с проявлениями всевозможных отклонений в среде своих коллег (чего стоит пример того, когда он активно боролся против Гриневича), но в то же время и жертва этих кампаний на завершающем этапе. Он всегда был активным участником дискуссий на собраниях и заседаниях кафедры, факультета, университета, критиковал при случае своих коллег, но в итоге сам пал жертвой сложившейся и активно поддерживаемой им самим системы взаимного уничтожения.

В 1951 г. в качестве руководителя методологического семинара ИФФ ТГУ Кугель выступил на одном из собраний по вопросам языкознания в рамках развернувшегося преследования «марризма» и его последователей. Его позиция вызвала острую критику, после чего его «за искажение политики партии по национальному вопросу, за обман партии и непартийное поведение» решено было исключить из членов ВКП(б), кроме того, его еще обвинили и в антимарксистской позиции³³.

В «Справке о состоянии дел на историко-филологическом факультете Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева», составленной заместителем заведующего Отделом пропаганды и агитации Томского обкома ВКП(б) говорилось: «Тов. Кугель в своих лекциях не дает глубокого марксистского анализа историческим событиям. При чтении лекции 12 февраля [1948 г. – Д.Х.] “Венский конгресс, европейская реакция. Священный союз и его разложение” <...> тов. Кугель допускает переоценку роли немецкого народа в изгнании Наполеона из Германии и принижает роль русского народа»³⁴.

Кугель был уволен из университета в 1951 г., а через некоторое время на него было заведено уголовное дело, и он был арестован Управлением МГБ по Томской области. Как «выяснилось» в ходе следствия, «...он на протяжении 1946–1950 гг. в своих лекциях и выступлениях систематически высказывал клеветнические измышления на советскую действительность, с антисоветских позиций извращал учение классиков марксизма-ленинизма, клеветал на создателя Советского государства и восхвалял врагов народа»³⁵. Негативную роль в его судьбе сыграло также его буржуазное происхождение: сын минского лесопромышленника, он служил в редакции газеты «Будильник» в период немецкой и польской оккупации города во время Гражданской войны, был активным бундовцем и т.д.

По воспоминаниям профессора Б.Г. Могильницкого (в 1946–1951 гг. – студент исторического отделения ИФФ ТГУ), Кугель мог пострадать и из-за особенностей своего непростого характера и вызывающего поведения: «Р.Е. Кугель, я думаю, пострадал, прежде всего, из-за своего, позволю себе сказать, тщеславия, из-за своего языка. Кугель был малопрятный человек <...> оказался в Томске, где сразу повел борьбу за чистоту партийной линии, боролся с Гриневичем, все время разоблачал его. Формально, на том основании, что тот не марксист, что он читает лекции, далекие от марксизма, а вот истинный марксист это и есть Р.Е. Кугель. Читал он лекции очень ярко, хотя что он там говорил, по сути, мало чего полезного было сказано <...> Хотя, у него иногда бывали прозрения: когда, например, победила революция в Китае, он предрекал, что еще не известно, по какому пути пойдет Мао. Вот такими вещами были украшены все его лекции, и все это постепенно создавало ту гремучую смесь, которая и привела к его аресту, что было, конечно, несправедливо, и доля вины факультета здесь имеется»³⁶.

В итоге он был осужден Томским областным судом по статьям 58-3 («Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады») и 58-10 («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания» – т.н. «Антисоветская агитация») УК РСФСР и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискации имущества и поражением в правах на 5 лет³⁷.

Отбывал наказание Кугель недолго. В 1957 г. он был реабилитирован, вышел на свободу, некоторое время проживал в Томске, после чего был полностью реабилитирован, уехал в Москву, где защитил написанную еще в Томске до своего ареста докторскую диссертацию «Вступление Италии в Первую мировую войну»³⁸.

* * *

На примере судеб нескольких томских историков мы рассмотрели различные модели и примеры развития идеологических кампаний и их последствий.

Что же отличает их от аналогичных кампаний в Москве и Ленинграде?

Прежде всего, меньший градус накала этих кампаний. Они затрагивали незначительное количество провинциальных историков, заканчиваясь для большинства из них относительно благополучно. Историки, попавшие под этот каток, имели возможность смены места работы (К.Э. Гриневич, А.П. Дульзон, В.Ю. Гессен), хотя реальные пострадавшие, подвергшиеся уголовному преследованию все же были (Д.Л. Лившиц, Р.Е. Кугель). Благодаря смерти Сталина и наступления хрущевской «оттепели», они в скором времени были реабилитированы.

На примере историко-филологического факультета и самого ТГУ, в отличие от факультетов московских и ленинградских вузов, видно, что в них не проявлялось так рьяно собственной инициативы в борьбе с космополитизмом, специально не устраивалась охота на ведьм. Свою лояльность в данном вопросе проявляли не только преподаватели и руководство факультета и университета, но также комсомольские и частично партийные органы.

Это обстоятельство было характерно для всех периферийных вузов. Е.С. Генина, исследуя фактор, сдерживавший кадровую «чистку» в вузах Сибири, отмечала, что в этом регионе ощущался явный недостаток квалифицированных специалистов: «Это обстоятельство, в первую очередь, заставляло региональные органы власти мириться с присутствием в вузах “идейно и политически неблагонадежных”, ограничиваясь функцией контроля»³⁹.

Идеологические кампании имели двунаправленные последствия. Они, с одной стороны, выдавливали историков из вузов, заставляя их перебираться в другие места, в другие вузы и научные учреждения, и тем самым наносился непоправимый ущерб развитию исторического знания в данном учреждении. Но с другой стороны, «благодаря» этим кампаниям, в провинциальные вузы отправлялись «в ссылку» видные советские ученые, тем самым создавался мощный базис для их развития. Примером тому может стать приезд в Томск профессора И.М. Разгона, уволенного в 1949 г. в результате кампании по борьбе с космополитизмом из МГУ и оказавшегося в ТГУ, где он возглавил кафедру истории СССР, заложив прочные основы для создания томской и даже сибирской исторической школы.

Примечания (Endnotes)

¹ *Хаминов Д.В.* Историческая наука и историки тыла в экстремальных условиях военного времени (на примере Сибири 1941 – 1945 гг.) // Русин. 2015. № 2 (40). С. 213.

- 2 *Хаминов Д.В.* Историческая наука и историки тыла в экстремальных условиях военного времени (на примере Сибири 1941 – 1945 гг.) // Русин. 2015. № 2 (40). С. 214.
- 3 *Могильницкий Б.Г.* Вспоминая пережитое // Историческому образованию в Сибири 90 лет: Исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008. С. 139.
- 4 Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 321. Оп. 1. Д. 90. Л. 6.
- 5 ЦДНИ ТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–4.
- 6 Красное знамя (Томск). 1938. 8 янв.
- 7 ЦДНИ ТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 90. Л. 3.
- 8 Красное знамя. 1939. 18 апр.
- 9 ЦДНИ ТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 90. Л. 8–9.
- 10 Там же. Л. 68, 68об.
- 11 Там же. Л. 7.
- 12 Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4305. Л. 25.
- 13 *Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В.* Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 2. Томск, 1998. С. 125, 126.
- 14 ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4299. Л. 68; *Хаминов Д.В.* Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск, 2011. С. 52, 88, 106–112.
- 15 *Быконя В.В.* А.П. Дульзон (к 100-летию со дня рождения) // *Linguistica Uralica*. 2000. Т. XXXVI. № 2. С. 149–152.
- 16 *Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В.* Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 3. Томск, 2001. С. 141–145.
- 17 *Галашова Н.Б.* Из личного дела поэта Д.Л. Лившица // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 4. Томск, 2001. С. 25, 26.
- 18 Против объективизма в исторической науке [Передовая] // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 8.
- 19 ЦДНИ ТО Ф. 607 Оп. 1 Д. 879. Л. 39.
- 20 ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 328. Л. 55.
- 21 ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 327. Л. 24.
- 22 Там же. Л. 25.
- 23 ЦДНИ ТО Ф. 607 Оп. 1 Д. 879. Л. 39.
- 24 За советскую науку! (Томск) [Многопиражная газета ТГУ]. 1947. 14 окт.
- 25 *Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В.* Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 2. Томск, 1998. С. 126.
- 26 ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 4310. Л. 145.
- 27 *Галашова Н.Б.* Из личного дела поэта Д.Л. Лившица // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 4. Томск, 2001. С. 26–31.
- 28 Красное знамя. 1947. 8 апр.
- 29 *Генина Е.С.* Кампания по борьбе с космополитизмом в Томской области (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 58.

- ³⁰ *Галашова Н.Б.* Из личного дела поэта Д.Л. Лившица // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 4. Томск, 2001. С. 29, 30.
- ³¹ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 2106. Л. 3.
- ³² ЦДНИ ТО. Ф. 321. Оп. 3. Д. 1. Л. 19об., 20.
- ³³ ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 6. Д. 5. Л. 40.
- ³⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 43. Д. 22. Л. 41.
- ³⁵ *Генина Е.С.* Кампания по борьбе с космополитизмом в Томской области (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 58.
- ³⁶ *Могильницкий Б.Г.* Вспоминая пережитое // Историческому образованию в Сибири 90 лет: Исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008. С. 139, 140.
- ³⁷ *Боль людская: Книга памяти жителей Томской области, репрессированных в 1920-х – начале 1950-х гг.* Т. 2. Томск, 2016. С. 183.
- ³⁸ *Куперт Ю.В.* Штрихи былого // Историческому образованию в Сибири 90 лет: Исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008. С. 167, 168.
- ³⁹ *Генина Е.С.* Наступление на научно-педагогическую интеллигенцию Сибири в период борьбы с космополитизмом (1949 – 1953 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5 (60). С. 44.

Автор, аннотация, ключевые слова

Хаминов Дмитрий Викторович – канд. ист. наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета. khaminov@mail.ru

За каждым периодом и поворотом в истории государств, помимо общих характеристик развития и концепций, всегда стоят судьбы конкретных людей. Поэтому крайне важно изучать биографии, судьбы, социальный портрет представителей определенной общности, однородной группы (профессиональной, социальной, этнической). Важно в том числе и по той причине, что на их примере проявляются наиболее рельефно особенности событий прошлого, специфика этих процессов. При этом важно учитывать и региональный аспект. Применительно к России особенно важно учитывать специфику периферии. Огромная территория страны, неравномерность ее развития, многофакторность социальных, экономических, культурных, интеллектуальных сторон жизни людей, различным образом отражается на схожих процессах в отдельных частях России. В настоящей статье, основываясь на ранее неизвестных архивных документах, на материалах крупнейшего и старейшего в Азиатской части России томского научно-образовательного комплекса, на примере биографии четырех историков и одного филолога, раскрыта местная специфика проведения идеологических кампаний периода «позднего» сталинизма. В статье приведены биографические и историографические данные, отражающие специфику периферийных высших

учебных заведений первого послевоенного десятилетия. Также охарактеризованы обстоятельства работы пяти университетских преподавателей истории, анализируется их научная деятельность, их место и участие в идеологических кампаниях. Основное внимание уделено различным вариантам последствий идеологических кампаний для этих историков, тем результатам, к которым они пришли – от самых «нейтральных» до трагических последствий в профессиональной и личной жизни историка. Опираясь на конкретные судьбы и научные биографии сибирских историков, делаются выводы о специфике и характере проведения данной кампании в томских высших учебных заведениях по сравнению с московскими и ленинградскими.

Послевоенный («поздний») сталинизм, высшая школа, высшее учебное заведение, историческое образование, историческая наука, историография, идеологическая кампания, антисемитизм, Сибирь, Томск, Томский государственный университет, К.Э. Гриневич, А.П. Дульзон, Р.Е. Кугель, В.Ю. Гессен, Д.Л. Лившиц.

References **(Articles from Scientific Journals)**

1. Bykonya V.V. A.P. Dulzon (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [A.P. Dulzon (On the 100th Anniversary of His Birth)]. *Linguistica Uralica*, 2000, vol. 36, no. 2, pp. 149–152. (In Russ.).
2. Khaminov D.V. Istoricheskaya nauka i istoriki tyla v ekstremalnykh usloviyakh voennogo vremeni (na primere Sibiri 1941 – 1945 gg.) [Historical Science and Historians on the Home Front under Extreme Wartime Conditions: The Example of Siberia, 1941 – 1945)]. *Rusin*, 2015, no. 2 (40), pp. 210–226. (In Russ.).
3. Genina E.S. Kampaniya po borbe s kosmopolitizmom v Tomskoy oblasti (konets 1940-kh – nachalo 1950-kh gg.) [The Campaign against Cosmopolitanism in the Tomsk Region (late 1940s – early 1950s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 306, pp. 57–61. (In Russ.).
4. Genina E.S. Nastuplenie na nauchno-pedagogicheskuyu intelligentsiyu Sibiri v period borby s kosmopolitizmom (1949 – 1953 gg.) [The Attack on the Scientific and Pedagogical Intelligentsia of Siberia during the Struggle Against Cosmopolitanism (1949 – 1953)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 4-5 (60), pp. 38–45. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. Galashova N.B. Iz lichnogo dela poeta D.L. Livshitsa [From the Personal File of the Poet D.L. Livshits]. *Totalitarizm i totalitarnoe soznanie* [Totalitarianism and the Totalitarian Consciousness]. Tomsk, 2001, vol. 4, pp. 25–31. (In Russ.).

(Monographs)

6. Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Bertsun L.L., Litvinov A.V. Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar [The Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary.]. Tomsk, 1998, vol. 2, pp. 125–127. (In Russ.).

7. Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Bertsun L.L., Litvinov A.V. Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar [The Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary.]. Tomsk, 2001, vol. 3, pp. 141–145. (In Russ.).

8. Khaminov D.V. Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX – nachale XXI v. [Historical Science and Historical Education at Tomsk University from the late 19th to the early 21st Centuries.]. Tomsk, 2011, pp. 52, 88, 106–112. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Dmitriy V. Khaminov – Candidate of History, Senior Lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). khaminov@mail.ru

Every period and every turn in the history of states, apart from general development trends and concepts, always bring out the destinies of individuals. Thus, it is essential to research into biographies, destinies, social portraits of people representing a certain community, a homogeneous group (professional, social, ethnic, etc.). Such research is also instrumental in revealing most vividly the specific features of the past events and processes. Moreover, its regional aspect needs to be considered. In relation to Russia, its periphery, due to its specificity, should be taken into consideration. The country's huge territory, the unevenness in its development and the multi-factor character of social, economic, cultural and intellectual aspects of people's life impact similar processes in a different way in different parts of Russia. Based on previously unknown archival documents, on materials of the research and educational center of Tomsk, the oldest and largest one in the Asiatic part of Russia, the present article shows the local specific features of the ideological campaigns of late Stalinism featuring the biographies of four historians and one philologist. The author refers to biographical and historiographical data specific to peripheral higher education institutions during the first post-war decade. The article describes the circumstances in which the five university professors worked, including their research and participation in ideological campaigns. The focus is made on the impacts of the ideological campaigns on each of the historians, with their consequences ranging from "neutral" to tragic ones as to their professional and personal lives. Drawing on the specific destinies and research biographies of the Siberian historians the author makes conclusions about the specifics and character of this campaign at higher education institution of Tomsk as compared to those of Moscow and Leningrad.

Post-War (Late) Stalinism, graduate school, higher education institution, historical education, historical science, historiography, ideological campaign, anti-Semitism, Siberia, Tomsk (City of), Tomsk State University, Konstantin E. Grinevich, Alexander P. Dulzon, Ruvim E. Kugel, Vladimir Yu. Gessen, David L. Livshits.